

ление персональных данных. Поскольку raw data были собраны при помощи системы, операций и устройства, то есть в отношении них были совершены конкретные действия, то, несмотря на отсутствие систематизации, такие данные были подвержены обработке и на них распространяются требования законодательства о персональных данных. Более того, существует повышенная опасность утечки raw data, так как данные не структурированы, и, соответственно, при небрежном отношении операторов пласт данных может затеряться или же стать общедоступным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь сформированы правовые основы обработки raw data. Вместе с тем ввиду отсутствия научных исследований по указанному вопросу существует вероятность того, что: 1) raw data не будут учитываться в активно развивающемся информационном законодательстве (праве); 2) операторы будут игнорировать требования по обработке и защите таких данных (следствием такой небрежности может стать их утечка).

Список цитированных источников

1. What is raw data (source data or atomic data)? [Electronic resource] : TechTarget. – Mode of access: <https://www.techtarget.com/searchdatamanagement/definition/raw-data#:~:text=Raw%20data%20is%20the%20data,countless%20other%20operations%20and%20places.> – Date of access: 28.06.2024.

2. Виды баз данных. Большой обзор типов СУБД [Электронный ресурс]. – Хабр. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/amvera/articles/754702/>. – Дата доступа: 29.06.2024.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ДОКТРИНЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Ковалева Виктория Викторовна

заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный

университет правосудия»,

кандидат юридических наук, доцент

v.v.kovaleva@list.ru

В современный период развития общества, который характеризуется глобальными трансформациями, актуальным является вопрос о роли в этих изменениях различных форм права. В условиях динамики и сложности общественных отношений особое значения приобретает такая форма права как судебная доктрина. П. П. Серков справедливо отмечает, что судебную доктрину можно считать своего рода инструментом судебной гармонизации правоприменительных и правотворческих начал, реализуемых в мерах современной правовой политики [1, с. 14].

Традиционно судебная доктрина считается формой права в странах, относящихся к системе общего права. Вместе с тем, растет ее значение и в государствах, правовая система которых относится к континентальной. Данная закономерность характерна и для Российской Федерации, ярким подтверждением чего являются вышедшие в последнее время монографические исследования, посвященные указанной проблематике [1; 2; 3].

Анализ юридической литературы позволяет прийти к выводу о существовании различных подходов к пониманию судебной доктрины и определению ее значения в правовой системе.

Так, например, А. Н. Чашин, исследуя источники и формы современного российского права, а также раскрывая юридическую природу правовой доктрины, указывает, что это вид формы права, формируемый ученым сообществом, характеризующийся авторитетностью, научной обоснованностью и широкой распространенностью. Однако этот автор, используя понятие «правовая доктрина», в своей монографии в качестве примера таких доктрин приводит положения, сформированные в процессе осуществления правосудия, т. е. судебные доктрины [4, с. 162].

Полагаем, что правовая доктрина – это родовое понятие, а судебная – видовое. По мнению Т. Я. Хабриевой, зачастую можно наблюдать следующие закономерности развития российского права: сначала в доктрине обосновывается качественно новый институт, затем он внедряется в практику судебных органов (в первую очередь Верховного Суда Российской Федерации) и под влиянием судебной практики формируется новое понимание положений действующего законодательства – судебная доктрина [2, с. 29].

Справедливым по этому поводу представляется вывод Х. И. Гаджиева о том, что для своевременного реагирования судей на социальные и экономические преобразования необходимо не просто независимое осуществление правосудия, но и способность носителей данной профессии создавать на основе существующих общих доктрин судебные доктрины, в которых отражаются также их представления о социальных ценностях [1, с. 23]. Х. И. Гаджиев отмечает, что основное свойство судебной доктрины заключается в том, что она выводится эмпирически, путем применения норм права судом к конкретным правоотношениям, с использованием различных методов толкования права и правовой аргументации, и требует от суда владения необходимым уровнем правотворческой техники для реализации судебного усмотрения с целью справедливого разрешения конфликта сторон судебного разбирательства правовыми средствами [1, с. 22].

Разделяет данную точку зрения Ю. Э. Ибрагимова, которая отмечает, что судебные доктрины являются «связующим функциональным звеном» между общими правовыми доктринами (как результатами мышления *in abstracto*) и правоприменительной практикой (складывающейся *in concreto*),

выполняющими функции концептуализации эмпирического опыта в праве и повышения реалистических начал в правообразовании [1, с. 327]. Следует согласиться с данным автором в том, что судебные доктрины являются основой для преобразования норм права в эффективно действующие регуляторы.

Далее необходимо обратиться к анализу существующих дефиниций судебной доктрины. Ю. Э. Ибрагимова рассматривает судебную доктрину как основанную на правовой доктрине, развиваемую судом, существующую независимо от законодательного закрепления, но не противоречащую действующему законодательству совокупность идей, нашедших отражение в судебных решениях. Судебная доктрина, по мнению автора, предоставляет суду ориентиры при разрешении дел, предполагающих судебное усмотрение и восполнение пробелов в законодательстве, и обогащает правовую доктрину [1, с. 326–327]. Если редуцировать данную дефиницию, то судебная доктрина представляет собой совокупность идей, выработанную в процессе судебного правоприменения.

Кроме того, как отмечается в юридической литературе, правовая доктрина, в том числе и судебная – это те взгляды (идеи), которые пользуются авторитетом среди юристов и в обществе, являются общепринятыми и применяются на практике в правотворчестве и в правореализации [5, с. 30]. Следовательно, судебная доктрина – это результат деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Полагаем, что идеи, являющиеся результатом рассмотрения дел нижестоящими судами, могут приобрести доктринальный характер, получив поддержку высших судебных инстанций.

Когда судебная доктрина рассматривается как совокупность идей, возникает вопрос о соотношении судебной доктрины с такими понятиями как «принцип права», «правовая позиция суда», так как эти явления также аккумулируют в себе определенные идеи. Более того, полагаем вполне закономерным переход правовой позиции суда в судебную доктрину, а затем формирование принципа права. Поскольку эти явления непосредственно связаны между собой, то юридической науке еще предстоит установить их общую правовую природу.

Еще одной проблемой является рассмотрение судебной доктрины как формы права и ее функциональных связей с другими формами права. Так, А. С. Емельянов приходит к выводу, что формирование судебных доктрин по отдельным вопросам представляется неизбежным, т. к. именно данная форма восполнения правовых лакун является наиболее оперативной. Однако, порождаемая судебными доктринами правовая неопределенность не позволяет рассматривать их в качестве полноценного источника права. По его мнению, выявленная и временно восполненная через судебную доктрину правовая лакуна должна быть полноценно урегулирована посредством изменения законодательства [1, с. 91]. В свою

очередь А. Н. Чашин считает доказанным, что правовая доктрина есть полноценная форма права [4, с. 202].

Полагаем, что решение вопроса о том, является ли судебная доктрина формой (источником) права, зависит, прежде всего, от ее содержания. Если оно является универсальным, тогда судебную доктрину при определенных условиях можно рассматривать как форму права. В любом случае роль судебных доктрин возрастает и это закономерный процесс, связанный с интенсивным и многообразным развитием общественных отношений, за которым законодатель не всегда успевает. В связи с этим возникающие споры необходимо разрешать, формулируя новые идеи об оптимальном регулировании разнообразных правоотношений.

Список цитированных источников

1. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев и др.; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 344 с.

2. Хабриева, Т. Я. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.

3. Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / отв. ред. Н. С. Бондарь. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М., 2024. – 384 с.

4. Чашин, А. Н. Источники и формы российского права: монография / А. Н. Чашин. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 452 с.

5. Васильев, А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: монография / А. А. Васильев. – М.: Проспект, 2021. – 232 с.

О МЕТОДОЛОГИИ ДИНАМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Костян Иван Игнатьевич

*старший научный сотрудник Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации
Республики Беларусь
knoozzz@yandex.ru*

Глобальные процессы социальной трансформации, детерминированные технологическим прогрессом, сегодня вызывают формирование нового типа мышления, которое прежде всего ориентировано на информационную составляющую бытия. Соответствующий дискурс преобразовывает базовые ценности общества, составляющие его культурную основу. Если рассматривать такие ценностные ориентиры в качестве своего рода